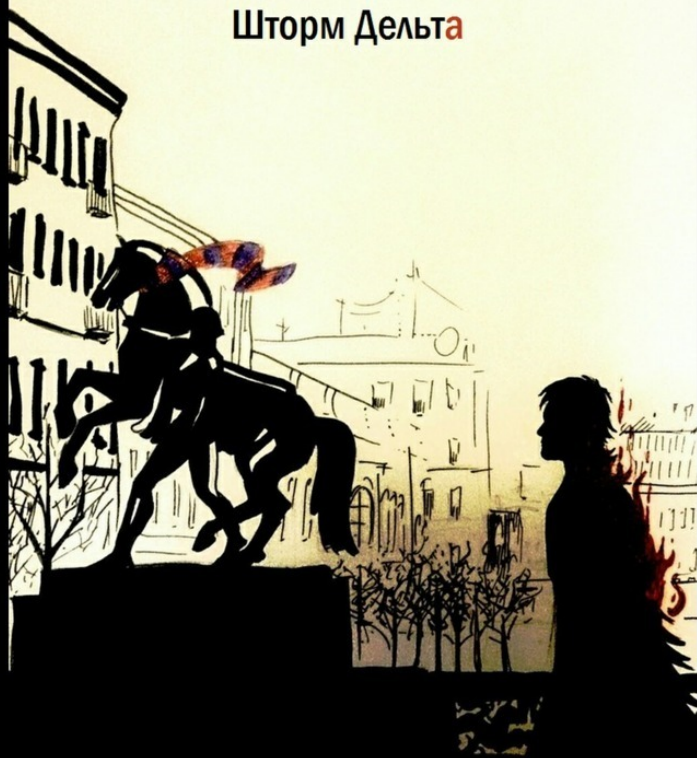

Валерия Демкина

Шторм Дельта

Валерия Дёмкина

Шторм Дельта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24310641

ISBN 9785448528545

Аннотация

Москва. Футбольный матч. Гол. В разъярившемся сердце одного из игроков рождается Демон. Неопытный дух отправляется в Петербург, чтобы найти человека, которому нужна его помощь. Вдохновлять на написание романа кажется простой задачей, но писатель болен, а дух-вдохновитель – смертен. Смогут ли автор и Демон дописать книгу и найти в ней спасительную нить, соединяющую выдумку и реальность?

Содержание

1	5
2	15
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шторм Дельта

Валерия Дёмкина

*Жестокому вдохновению
посвящается Петербурга*

© Валерия Дёмкина, 2017

ISBN 978-5-4485-2854-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я родился долго. Меня тянуло из темноты. Вокруг проходили люди, кто-то ругался, дребезжали аплодисменты, стучал мяч. Гудела земля. Чьё-то сердце гремело рядом – большое, глупое, мужское сердце. Снова ругань, а над ней – восторженные крики. Сердце бросалось на рёбра так, что у его хозяина всё горело внутри от злости. Потом стук взорвался, и я отделился от этой крови и поплыл по течениям мимо трибун, трамваев, по широким улицам, к вокзалу, меня уносило к северу, вслед за грязным поездом, на глазах семафоров я рос, из плеча пробилось крыло, но я ещё не знал... Из меня выпадали искры, согревая рельсы. Вокруг закипел туман, мосты выгнули черные спины, ангел рассматривал город, чёрная река ждала подо льдом. Я не отразился ни в куполах, ни в крыльях львов, ни в холодных лужах на дне домов-колодцев. Меня несло по ветру, и дождевые февральские капли пробивали мои руки насквозь. Меня тянуло к человеку.

Я демон.

Сквозь чердачные балки я провалился вниз. Пустые скамьи выручили меня. Я спрятался в темноте. Трудно привыкнуть к прозрачности своего тела. Ниже ряды топорщились

людскими головами. Чей-то голос падал по капле. Горел белый экран. На нем мелькали буквы. Кроме слов и схем часто попадались фотографии. Я пригляделся и пошёл угольными трещинами с головы до ног.

На фотографиях застыли мёртвые люди. Их тело покрывали дыры всех форм, размеров и глубины. Голос снизу пояснял, отчего в животе или голове появилась рана: от ножиц, кольев, лопат, фар, топоров, зубов, рогов, каблуков... Оставляя пепельные следы, я спустился и заглянул через плечо молодому человеку в нестиранном свитере. Он бросил ручку, положил голову на сложенные руки и слушал лектора с закрытыми глазами.

– Классификация ран: резаные, колотые, ушибленные...

Некоторые студенты сидели в халатах. Они записывали аккуратнее всего. Я знал, что человек, для которого я родился, рядом. Для начала надо было его найти. Я надеялся, что он не носит халата.

Я ходил между рядами. Никаких инструкций мне не давали. Я упал сюда и понял, что дальше лететь некуда. На крайней справа лестнице в восьмом ряду трещины на мне покраснели. Стало жарко. Девица с разглаженными волосами терзает жвачку, прикрыв глаза. Парень в круглых очках отки-

дывается назад, открываясь для взгляда скромной соседки. Нет, нет.

Двое в середине сектора. Стриженный парень спит на крышке для письма. Недельная щетина на лице, старая толстовка, на голове капюшон. Джинсы, чем ниже, тем грязнее, и кроссовки, грязные сплошь. Рядом девочка в свитере, замотанная шарфом. Темные корни и выбеленные, как попало отросшие волосы. Она грызет ручку и щурится, то подаваясь вперед, то валясь на спинку. Вслушиваясь, она вытягивает влажные губы. Лектор отвлекается от описания краёв рубленых ран, и она вытаскивает из тетради вложенный лист. Высунув язык, она дописывает что-то, никак не связанное с темой. Строчки заполняются быстро. Вдруг она останавливается, закусывает неровную нижнюю губу и озирается. Её глаза останавливаются на мне. Она меня видит. Я чернею до пустоты. Мой человек.

Пока я пробирался к ней, она погладила по спине спящего, спрятала лист и принялась за лекцию.

– Колотые раны при незначительных наружных повреждениях характеризуются...

– Он просто как в учебнике объясняет. Я это читала уже.

– Мм?

– Не буду больше на лекции ходить.

– Отмечают. Придется. Зачет не поставят.

– Ой, ладно, поставят. Неинтересно он говорит. Про повешение было лучше. Сама буду учить.

– Я тебя предупредил. Что хочешь делай. Это... Всё, дай поспать.

Я наклонился над ней и положил голову на плечо. Маленькая серёжка клюнула меня в щёку. Моя девочка не отстранилась, закрыла глаза и сглотнула. Вместо того, чтобы писать, сцепила руки в замок. Я не торопился с ней заговаривать, потому что не хотел напугать её ещё больше. Мне показалось, что для человека, получившего демона, она держалась стойко.

– Почему бы тебе не ходить? Сиди читай свое, если тут неинтересно, – парень зевнул. – Хоть отметишься, баллы поставят.

– Лёш! Делать мне нечего, отмечаться... Отвечу зачет как положено. И будут баллы. У меня дело есть, а на него время

нужно.

Она не переставала грызть ручку. Лёша вздохнул, спрятал в кофту ладони и снова задремал, приоткрыв пухлые губы.

Я прочитал с обложки тетради, что её зовут Полина. Поля. Она уже не записывала за лектором. Пригнули головы и спали многие студенты.

– Поль. А что за дело?

– Мне нужно книгу написать.

Он приподнял брови и усмехнулся.

– И всё? Делов-то. Ну и что. Я бы на лекции всё равно ходил.

– На это времени нужно много. У меня нет его. Что ты понимаешь!

– Я понимаю, что нам зачёт сдавать ненормальной нашей.

Поля прогрызла колпачок насквозь. Я переступил руками по спинкам сидений и растёкся рядом с Лёшей. Он не чувствовал меня. Я повел носом. От него пахло упрямством.

Когда зажгли свет, студенты на клочках бумаги ответили лектору на вопрос о кровотечении из ран. Худые служители кафедры, похожие на египетских жрецов, собирали листки по рядам. Поля затолкала тетрадь в рюкзак, Лёша потянулся и положил ручку в карман. Они спустились к доске объявлений и нашли страницу, где говорилось, что они должны сделать, чтобы сдать экзамен.

– Наверное, можно и пропускать. Четверку всё равно можно будет получить. Особенно, если ты так уж учить собралась.

– По судьбке я хочу пять.

– Это прямо так важно?

– Это прямо мой любимый предмет.

– Так ты в судебную медицину идёшь?

– Нет. Просто интересно очень.

Лёша вскидывает брови, а она берет его за руку и бодро ведет к выходу. Мы выходим из-за колонн в туман, набитый мутными огнями фонарей. Людские молодые цепи разделя-

ются и тихо брэнчат: одна за забором, по улице, другая огибаёт здания клиник и подсобок, третья натягивается вдоль замерзшей речки. Длинноволосая девушка в синем пальто бросает хлеб вниз, на лёд. Оттуда ей крякают. По мокрому тротуару, огражденному полосой чёрного снега, мы выходим к стеклянным дверям, чем ближе, тем торопливее шаги прохожих. За дверями люди становятся в очередь, чтобы спуститься в тоннель.

Мне показалось, я вырос. Немного, но всё-таки смотрю поверх шапок, помпоны пока немного мешают. Двери гремят. Они скрывают от нас приближение холодного жестяного червя. Мы входим в вагон. Двери ударяются раз – это задраивается сам червь, и два – вестибюль отсекает нас, мы отправляемся.

Свободных мест нет. Я потянулся вверх и погасил одну лампу. Темнота тоннеля осаждала поезд, я помог ей совсем немного. Поля посмотрела. Я хотел, чтобы она привыкла. Она расставила ноги шире, чтобы не упасть, и грызла ноготь. Когда на экране телефона сеть заняла все ступеньки, Поля нажала «поиск». Пятнами повисли обложки суровых учебников: в основном однотонные, торжественные. Нет нужды иллюстрировать смерть. Два слова, черная обложка. Этого довольно.

– Смотри, сколько. Всё судебка. Они разные немного. А вот атласы есть даже, – она показывает Лёше находки. Он не поднимает глаз от справочника по хирургическим узлам.

– Угу. Знать всё – маловато для этой тварной бабы. Она не поставит нормально, если ты пропустишь лекции. Я бы на твоём месте ходил. Это... Всё остальное ведь потом можно сделать как-нибудь.

– Ой, – она отмахивается и тут же вцепляется в следующий ноготь.

Я занимаю место разукрашенной уставшей женщины и вырастаю прямо перед Полей.

– Вот этот подходит, – я говорю, а сам боюсь своего голоса. Я похож на подземное эхо от звериного рычания. Голос вибрирует у меня в горле. Губы не двигаются. Куцым когтем я щёлкаю по экрану.

Поля приоткрыла рот, покосилась на Лёшу. Он увлечен книгой. Поля скачивает то, что я подсказал. Всю дорогу до конца она читает. Ногти больше не грызёт.

Мы выбрались на поверхность. Я бы подумал, что в другом городе, если б не те же красные усталые трамваи. Они

клекотали в холодном туманном дыму, кружа по площади, и тарасились вперёд старыми желтыми фонарями.

Я больше не трогал лампы и старался не попадаться Поле. В метро она посмотрела на меня, как голодный смотрит на полную тарелку еды. Я посерел между пассажирами и вышел на последней остановке. Хорошо, что я нашел своего человека. Но оказалось, что я пока плохо знаю, как помогать. Я точно способен на чудеса, но чтобы понять, на какие, нужно время.

В общежитии мне понравилось. Они вдвоем занимали маленькую комнату, обклеенную белыми обоями с парусниками. Мебель валилась сверху, еле держась за стены. Пасти казённых полок задыхались от книг. У окна желтели тумбочки. На одной в ряд стояли дезодорант, шампунь и мыльница. Уверен, за дверцей на нижней полке тоже порядок. Вторая тумбочка еле удерживала в себе предметы. Из открытой части торчали карандаши и тетради, сверху сдерживала беспорядок круглая пузатая коробка из-под печенья с набекрень надетой крышкой. Позади неё выстроились пузырьки с цветными жидкостями. На ручке висел початый столбик ватных дисков.

Они ужинали за письменным столом и смотрели «Терминатора». Когда Поля тянулась за вафельной трубочкой или

шоколадной долькой, Лёша косился на неё.

– Ты бы лучше тренировалась вместо этих лекций.

– Я не для того время освобождаю.

– Хватит есть вафли!

Она нахмурилась и бросила сладкое обратно. Он молча съел свою шоколадку, она допила пустой чай и пересела на кровать с учебником. Я решил уйти и понял, что копчу макушкой дверной проём. Я вырос ещё!

2

Ночью я слушал стук стройки за окном. Через форточку с юга тянулись, как провода, тонкие нити, похожие на облепленные каплями паучы кружева. Они висли на мне, и я их засасывал внутрь. Я растянулся, похолодел и вылетел на улицу. Я весь поместился в крыло и стал им. Потом я рассыпался на обгоревшие бумажные листы. Во мне звучали голоса. Один из них я помнил – это голос той крови, из которой я выкипел чёрным паром. Он звучал почти так же упрямо, как голос Лёши. От этого я собрался в ледяное облако. Меня то тянуло в стороны, то стискивало с боков. Я мог покрыть полнеба и пропустить сквозь себя свет фонарей, мог заковать себя в вороний полёт, чёрный и плотный. Голоса били меня изнутри, бодали, кусали.

Утро я распознал по тому, что меня втянуло обратно в окно общей кухни. Я отряхнулся от дождя, а потом проводил сонную Полину в университет.

Мы опоздали на занятие. Я винил себя, что не разобрался со светофорами, пока ехали в трамвае. На затылке от стыда выросли мелкие перья и поднялись дыбом, я почесал их новыми когтями. Они превратились в пальцы, как только я опустил руку.

Перед группой сидела молодая брюнетка, похожая на худую сову. Она сморгнула и повернулась к нам.

– Можно войти?

– Что вам вчера на лекции читали? – очернённые круглые глаза вызывали Лёшу.

– Раны.

– Какая кровоточит сильнее: резаная или рубленая?

– Резаная, – он выдохнул протяжно, как будто делал ей одолжение. Сова опустила плечи.

– Садитесь.

Мы занимаем места. Я сижу возле макета мертвеца на берегу нарисованной реки. Сова задаёт вопросы.

– Я вижу многие стали лекции пропускать. Учтите, чтобы получить зачет, нужно посетить минимум восемьдесят процентов. Вам понятно это?

Обсуждали смерть тех, кто задохнулся. Сова спросила По-

лю; она рассказала, чем отличается, когда человека задушили, от того, когда он повесился сам. Я весь покрываюсь перьями. И почему ей это интересно?

Из-под перьевых ресниц я неподвижно гляжу на строгую птицу, которую зовут Дарья Петровна. Перед ней раскрыты учебный журнал и записная книжка. Вдруг страницы выплывают собственные тени, и они раздуваются передо мной, как паруса. Там списки студентов, прошедших её жёсткий взгляд. Поля смотрит туда же, но видит только открытые страницы. Я ложусь на стол перед Полей.

– Лучше ходи на лекции. Делай там, что захочешь, но отмечайся. Она... – я вижу кулон на худой шее Дарьи Петровны. Золото, изумруд. Кольцо. Египетский иероглиф. Как в кабинете заведующего? Нет, я не видел... Декан? – Она может отчислить, даже если посетить их все.

– Хорошо.

Она впервые ответила мне. Её неровные, искусанные губы неподвижны. Она умела. Делала, как я. С меня осыпалось оперение и просочилось сквозь столешницу. Я остался голым, посыпанным холодной золой. Поля отвела глаза. Сова снова спросила её. И она так увлечённо зачастила, что будет при повешении с позвонками, сонной артерией, гортанью,

какая останется полоса от петли, что пришлось останавливать её ответ. Сова не поставила ей отметку. Лёша заметил.

– Дарья Петровна, вы не...

– Вы опоздали. Скажите спасибо, что впустила.

Поля усмехнулась. Дарья Петровна закрыла записи, встала и попрощалась. Откинув назад зеркальные черные волосы, она четырежды продавила линолеум острыми каблуками и исчезла за дверью.

Я старался меньше попадаться ей на глаза. Поля и Лёша много ходили вместе, но на второй день знакомства я понял, что отрываю её. Она просила его дать ей почитать или порисовать, а сама часто отвлекалась и грелась об меня. Я просто раскрывал ладонь – и вспыхивал костёр, а она тянулась рукой и не обжигалась. Что-то тлело во мне и болело. Поэтому иногда я пропадал снаружи.

Я лежал на рельсах. Трамваи переезжали меня. Бесконечным салютом сыпал дождь. Колёса вырезали на шее и бедрах оранжевые следы, которые тут же погасали и наполнялись мокрой пылью. Люди торопились на остановку и увязали в грязи подо мной. Когда я думал про Лёшу, оранжевые трещины покрывали мои руки без помощи трамвая. Изнут-

ри пробивалась пустыня, и огненные змеи душили меня. Я продолжал расти. До меня они жили вместе. Она его выбрала. Я должен помогать им? Трещин прибавилось. Я должен помогать ей.

Я вернулся, когда его не было. Поля лежала на верхнем ярусе старой кровати и читала книгу смертей с экрана компьютера, завернувшись в красный плед. Я сел с краю, она протянула руку и смахнула у меня со щеки пыль. Поля присмотрелась и улыбнулась. С меня сыпалось на кровать, на пол, я пачкал стены, зато открывалась обычная человеческая кожа. Почти до пояса я посветлел. Провел рукой по голове. Волосы! Щекотные человеческие волосы. Она улыбается, и я, но как я выгляжу – не могу понять. Зеркало не отразит меня. Лужа тоже. Я посмотрел Поле в глаза; там на серой эмали радужки дрожало моё отражение, маленькое, я только разобрал то, что знал и так: широкие белые плечи, растрепанная сбоку прическа и черные сажевые языки по животу. У меня внутри снова просыпаются голоса, кто-то ходит во мне из угла в угол, как по комнате, и ругается.

Поля наклоняет голову, тянется и проводит пальцем по брови. Мне режет глаз, волосы отрастают, закрывают обзор, и кожу стягивает, словно в комнате зажглось южное солнце. Всего меня обвязали шрамы, светлые и бурые. Она кого-то представила. Она делает из меня, кого хочет. Но все-

гда со мной тот голос, с которого я начался. Он делает меня больным.

– Я буду, кем хочешь.

– Да ты всегда одинаковый. Это всё, – она указала на шрамы, – неважно. Ты это ты и есть.

Я вернулся обратно к обычному телу, потом к обгорелой чешуе, и дал Поле руку. Она обняла меня. Плечо прорвалось огнём, он побежал вниз и через пальцы проник ей под кожу. Я зарычал.

– Стой, стой! Всё хорошо! Я так и хотела.

Мы сидели на кровати под закопчённым потолком. Я думал, что нахожусь между голосом живого человека, его жизнью, частью которой я был, с одной стороны, и желаниями Поли – с другой. Две силы меняют меня и ничего не знают друг о друге. Когда Лёша вернулся из душа, я живо вычистил потолок и одеяло и свернулся на кровати, как собака, свесив с краю ногу.

3

На выходных потеплело. С балкона я смотрел вниз на заваленные привезенным снегом мусорные баки. Машины с зубастым ковшами подгребали к стенам общежития порции бурого снега и растили по тротуару горные хребты. Целая армия воробьёв чирикала в зарослях колючих кустов, и ветки попеременно вздрагивали. Балконные двери раскрыты настежь. Занавеска у меня за спиной подвешена на ветру.

– Что делать будешь? – спросил Лёша.

– Писать.

– Это, ты бы сходила в зал лучше, жирок поджечь.

Я обернулся. Поля потянулась и сложила в рюкзак форму. Мне показалось, она слишком легко согласилась. Тарелка со сладостями стояла нетронутая.

Поля оделась по-весеннему. Последние выходные февраля. Она слушала музыку, я подстраивался и в такт блестел окнами домов или бросал под нужным углом солнечные искры в лужи. Трёхэтажный синий спорткомплекс сиял посреди мокрой пустоши.

– Я же не хочу туда идти, – сказала она изнутри себя. Вокруг текли нахохленными ручьями пешеходы и не слышали.

– А что хочешь?

Она стукнула по рюкзаку. По стенке шаркнула тетрадь, а на страницах подпрыгнули буквы и сахарным шорохом оцарапали бумагу.

– Там внизу кафетерий, – рычу я. – И стулья удобные.

За столами сидели мамы с шумными детьми. Мы нашли место в углу, куда доставал белый луч из окна. Поля открыла тетрадку.

– Возьмёшь пирожок?

– Нет. Только чай с лимоном.

За час она выпила две чашки. Я читал внимательно. Она писала роман. Там она рассказывала о человеке, молодом, красивом и знаменитом. В общем, он зарабатывал деньги тем, что был красив и силен, так я понял. Спортсмен. У меня в голове застучало. Голос прорвался издали, скомандовал, закричал. Я тряхнул головой. Так вот она, Поля, в своей тет-

ради украли у него и силу, и славу – подставила под полёт пули, и человек уснул на три дня крепким сном, от которого нет будильника. Мне стало больно, и вдруг разворот тетради превратился в зеркало. Я отвернулся.

– Что случилось?

– Там я.

Мне непонятно, как она не боялась. С волос моих осыпалась зола, как будто на голове потух костёр, правый висок тлел и мигал углями, глаз горел оранжевым изнутри. В остальном лицо оказалось очень человеческим. Второй глаз карий, серые густые ресницы, нос снизу чуть приплюснут, губы тонковатые и строгие. Мне не нравился мой подбородок, и очень нравились брови. Поля обернулась и сощурилась, но быстро погрузилась.

– Он не узнает, – сказал я.

– Я просто буду меньше есть. Наверное, и так похудею.

Я перечитал ещё раз, хоть голова моя выла и трещала от увиденного.

– Тебе нужно учиться. Здесь... – я вижу насквозь книги

за соседними столами и прожигаю корешки. Человек в сумасшедшем доме умирает, но дает свободу другому. Семья уезжает с обжитых мест, потому что землю отбирают банки. Путешествует через весь Американский континент. Мужчина влюбляется в маленькую девочку. – Здесь можно кое-что поправить. Вот другие твои герои... Этот и этот. Дай им дело. А главный... Я... Он совсем не такой. Ему нужно больше плохих черт. Он хуже, чем ты пишешь.

– И как этому учиться?

– Я покажу тебе книги.

Вернувшись вечером, она приготовила ужин. Лёша с удовольствием съел макароны, подливу, запил чаем, заел пирожным. Поля от чая со сладким отказалась. Я чувствовал у себя в животе, как она голодна, как хочет сладостей. На выходе моя голова растворилась и снова собралась за проёмом. Какой же я высокий!

Я залез в лифтовую шахту и качался на тросах, как в гамаке. Мимо ползли коробки, набитые людьми. В основном девочки разных возрастов. Медицинский университет! Может, она поторопилась с выбором? Мужские голоса я слышал редко.

В понедельник наступила весна. Пошёл снег. Солнце вошло незамеченным за плотными рядами туч. Лёша уехал первым. Он не хотел ждать, пока Поля собиралась и причёсывалась. Мы опоздали.

Она стояла в проёме и пыталась уговорить Дарью Петровну.

– Вы свободны. У вас «н/б». Идите на отработки и сдавайте там пропуска свои. Сомневаюсь, что вы получите у меня зачёт. Всё, до свидания.

Я видел, как сосредоточенно Лёша повторяет параграф учебника. Он даже не поднял глаза. Только брови – немного. Поля плотно закрыла дверь.

У стойки она внимательно изучала график отработок и вытирала глаза. Вдруг она ударила пальцем в стекло, улыбаясь. Отработка значилась сегодня и завтра вечером. Мы ушли готовиться.

Поля кормила уток, бросая на лёд Карповки остатки пирожка. Утки прятались от ветра, прижимаясь к бетонным берегам. Только упавшие крошки выманивали их. Поля плотно сжимала зубы, вспоминая.

– Ты очень красивая, – сказал я сверху и повёл над ней крылом. У неё появились синие тени под глазами. Это собирался порох внутренней войны. Она кивнула, и мы пошли по берегу до красно-желтого кафе. Туман перешёл в дождь и закрыл телевышку на севере. В кафе она взяла кофе с молоком и достала толстую, чистую тетрадь. Видно, она писала и тогда, когда я улетал наружу один. Поля вывела на обложке: «Часть 3». Текст остановился через полчаса. Она просто опустила руки и светила в меня серыми глазами. В третьей части говорилось о мальчике, который попал в рабство. Его родные сами имели рабов и воевали. Он потерял всех. Один в чужой стране. Новый хозяин распознал в мальчике жажду любви и признания. Он, как заклинатель, каждым словом подводил раба к гладиаторскому делу. Я знал ход Полиной мысли. Я знал, что будет дальше. Что он вырастет сильным, красивым, знаменитым, а потом она снова бросит его в беду. Серые глаза вскипятили во мне красную лаву, и она выливалась из трещин, шипела на горячей коже.

– Покажи, – молча приказала Поля.

Угли обвалились и открыли лицо со шрамом. Я чуял, как он жжёт мне веко. Отросли волосы. Я отошел, чтобы она могла меня разглядеть. Я дышал жарой. Столы и люди задрожали, расплылись, пахло песком и кровью, воздух стекал плачем дудок. Я слышал боевой барабан. Он звал на арену.

Сложив руки на груди, я измял жёсткую короткую тунику и повернулся спиной.

– С ума сойти!

Она прикрыла руками рот. Я распался в воздухе и бросил себя к ней. Её глаза смеялись, сердце билось и заглушало барабанный зов. Щека у меня обуглилась, но я всё ещё был тем человеком с её страниц. Я поцеловал её. Шум римских улиц тут же пропал. Я так и смотрел на неё, зарастая перьями, разрывая ткань рубахи острым крылом, а она, приоткрыв влажный рот, сжала пластиковую ручку и принялась складывать слова в историю, давать этой истории взрослого героя, герою – лицо и повадки, голод до обожания и стиснутый в груди огонь. Она захлопнула тетрадь. Часы показывали половину пятого. Я отвернулся.

– Нет, ну что ты! Всё в порядке.

– Не в порядке. Видишь? Я боюсь тебе навредить. Я так люблю тебя! Я *могу* тебе навредить!

Её тень поцеловала меня тайно от посетителей. Мы ушли по блестящей дороге обратно в седьмой корпус на отработку.

Я ничего не мог сказать и только унимал гром под кожей. Машины разрезали лужи, но я закрывал Полю от брызг. Она покраснела. Я горел.

В коридоре кафедры она столкнулась с молодым преподавателем. Он провёл её в комнату для отработок. Там сидел ещё один, в халате, очень похожий на первого, только толстый. Он смеялся над ответом студентки. В уголках глаз собрались длинные морщинки, как ненастоящие, сказочные ресницы. Он показался мне добрым. Я остался снаружи.

Поля сдала занятие успешно, вышла, подняв голову. Я гордился ею. Я окружил её собой и гладил горячей щекой по макушке. По дороге домой она сказала, что можно сдавать сразу несколько пропущенных занятий. Сова никогда не принимает отработки, зато добрые толстый и тонкий – через раз. Мы вошли в вагон, она устроилась с краю, я навис сверху.

– Я вообще не пойду к ней на занятия.

– А лекции?

– Ну, на них пойду. Отмечаться буду и учить по нашим учебникам. Тот тонкий заметил, что я читаю по разным книжкам. Он меня хвалил! Сказал, что со мной интересно.

Мы просто поговорили.

– А что ты сдавала?

– Он спрашивал про огнестрельные ранения.

Я загудел, как летящий самолет. Она слышала только эхо. Я извинился и обещал вернуться. Меня выбросило через забрала крыши в тоннель и впитало в бетон. Я прорвался на волю и увидел проспект. Он вился, как дракон, и пропадал в водяной дали. Я взлетел на крышу, удержался на краю и запрокинул голову вверх. Дождь размывал мой панцирь, вытаскивал наружу кожу человека. Языки огня плавили живот, светились между рёбер. Воздух во рту раскалился. В этом городе столько воды, он весь – река, каждая лужа и ручей связаны с ледяной, ошетиленной, глубокой матерью, но никакая вода не потушит меня, я могу пролететь через самый свирепый ливень, и его не хватит, чтобы выбить из меня весь пепел и отмыть золу, мне никогда не стать человеком. Япил дождь. Он принёс новые слова, оторванные от души, с которой я начался. Они были так похожи на то, что Поля писала в тетради, только грязнее. Откуда она знала? Как она смогла очистить их? Я ведь ничего не рассказывал ей о том, как ревет чужая кровь, как она отзывается на крики с трибун и заглушает мысли. Не рассказывал, что я – тень страстей и гнева земного существа. Я только любил её, терял чары, целуя

её, и сопровождал в путешествиях по земле и под землёй. И всё-таки она знала те слова, что я слышал, и получала те послания, которые, как казалось, получал только я. Может, они уходят из моего сердца, когда губы молчат и целуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.